

Юрчук Л. А.

КОЛЯДНЫЕ ПЕСНИ В КОНТЕКСТЕ СВЯТОЧНОЙ ОБРЯДНОСТИ ПСКОВО-ПЕЧОРСКОГО ОБОЗЕРЬЯ И ВЕЛИКОРЕЧЬЯ

Аннотация. В статье на основе анализа материалов фольклорного архива Псковского государственного университета, записанных на территории Псково-Печорского Обозерья и Великоречья в ходе фольклорных экспедиций 1970-х–2010-х гг., представлено место колядных песен в рождественско-новогоднем обходном комплексе и выявлены устойчивые элементы их структуры. Отмечена практика «подоконного» исполнения колядных песен обобщенного типа (адресованных всей семье) в период от кануна Рождества до Крещения смешанными половозрастными группами колядовщиков, нередко ряженных. Анализ структуры колядок показал почти повсеместное отсутствие в их составе благопожелательной и величальной части, что свидетельствует о трансформации жанра, так как приводит к утрате песней ее исходной семантики – заклинания благополучия семьи на предстоящий год. Колядные песни Псково-Печорского Обозерья и Великоречья – это обычно короткие тексты, открывающиеся ритуальным зачином и продолжающиеся просьбой-требованием и угрозой в основной части.

Ключевые слова: колядка, святочный обрядовый комплекс, обрядовый обход дворов

Для цитирования: Юрчук Л. А. Колядные песни в контексте святочной обрядности Псково-Печорского Обозерья и Великоречья // Ученые записки НовГУ. 2023. 6(51). 685-693. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).685-693

Рождественско-новогодний обходной обряд на Псковщине включал в себя множество обрядовых действий и музыкальных форм, «набор» которых несколько различается в разных этно-культурных зонах Псковской области. На территории Псково-Печорского Обозерья и Великоречья, которая включает Псковский, Печорский, Палкинский, Пыталовский и Островский районы, в комплекс обхода входило пение колядок либо «виноградий», а также исполнение христианских гимнов, которые постепенно вытесняли святочные песни у русских уже в XIX–XX вв. [Чичеров, 1957, с. 163–164]. В рамках настоящей работы нас будут интересовать преимущественно колядки, записанные на данной территории в ходе фольклорных экспедиций Псковского государственного университета в период с 1978 по 2014 гг. Всего в эти годы было записано 34 колядные песни и 49 текстовых фрагментов, состоящих из 1–2 строк. Цель работы – определение места колядных песен в рождественско-новогоднем обходном комплексе Псково-Печорского Обозерья и Великоречья и выявление устойчивых элементов их структуры.

Обряды рождественско-новогоднего комплекса исходно имели магический характер: они должны были запрограммировать будущее в нужном человеку направлении. Такую направленность имели и входившие в их состав святочные песни: связанные с представлением о значении «первого дня», открывающего длительный отрезок календарного времени, они имели «значение заклинательной формулы» [Чичеров, 1957, с. 83]. Этим объясняется особое отношение к колядующим. Даже в послевоенное время, когда, по воспоминаниям информантов, колядовали «бедные», к ним относились не как к скромным просителям, а как к «коллективу людей, совершающих магический обряд, который должен вызвать желаемое в грядущем» [Чичеров, 1957, с. 126].

Наши материалы показывают, что для святочных песен не было обязательного

прикрепления к какому-либо одному дню праздника. Их исполнение было связано с двухнедельным периодом от рождественского Сочельника до Крещения. При этом, в отличие от большинства территорий расселения русских [Чичеров, 1957, с. 121] и часто вопреки содержанию текста («Пришла Коляда накануне Рождества...»), на Псковщине святочные песни обычно исполнялись в Рождество и несколько реже – в рождественский Сочельник; фиксируются единичные упоминания об их исполнении перед Новым годом и перед Крещением. Это соотносится с данными, которые приводят Т. А. Бернштам и В. А. Лапин [Бернштам, Лапин, 1981, с. 11], а изнутри традиции мотивируется тем, что исполнение колядок следует за пением рождественских гимнов: «Мы христосла́вили на Рожаство́. А Коляду́ мы, коне́чно, ня кли́кали. На второ́й день кли́кают Коляду́» (зап. в 1999 г. в д. Горино Палк. р-на, инф. 1930 г.р.).

Встречаются отдельные указания на исполнение святочных песен в дневные и утренние часы, но традиционным временем их звучания был вечер: «Обы́чно с ве́чера начина́лося. Мо́жет, с восьми́ часо́в. А по́сле полно́чи уже́ не хад́или. Тут как бы их че́рт вад́ил, э́тих колядо́вщиков. А тада́, как петушкí-то пропо́ют, уже́ никако́й коляды́ бо́льше не бу́дет» (зап. в 2003 г. в д. Козлово Остр. р-на, инф. 1924 г.р.).

Как и другие обрядовые обходные песни, колядки исполнялись группами, ходившими от дома к дому в своей деревне и затем нередко направлявшимися в соседние деревни пешком или на лошадях. Участники обхода вне зависимости от содержания исполнявшихся ими песен (коляд, «виноградий», а иногда и рождественских молитв) повсеместно именовались «колядовщиками» («кóлидами» (Пыт., Печ.)), а совершавшееся ими действие определялось словом «колядовать» (варианты: «кликать коляду» (Палк., Печ., Пск.), «петь коляду» (Остр., Пск.), «христославить коляду» (Палк., Пск.), «цыганить» (Пыт., Печ.)). Универсальное применение «колядных» терминов по отношению к разным обрядовым ситуациям – одно из проявлений отмеченной нами контаминации элементов славления Христа и колядования в составе рождественско-новогоднего обходного комплекса [Юрчук, 2023]. Оно оказывается в одном ряду с такими явлениями, повсеместно фиксирующимися на данной территории, как ряжение христославо́в, «колядные» финалы тропарей или ношение колядовщиками рождественской «звезды» (в д. Трушки Остр. р-на ее именовали «колядой»).

Святочные песни исполнялись преимущественно смешанными половозрастными группами, в которых возрастной критерий, вопреки утверждению Т. А. Бернштам и В. А. Лапина об их исполнении на Псковщине молодежью [Бернштам, Лапин, 1981, с. 11], не был определяющим. Примерно равное число записей фольклорного архива ПсковГУ отражает практику формирования групп колядующих как из молодежи, так и из детей школьного возраста, нередко в сопровождении взрослых [см. также: Народная..., 2002, с. 238]. Реже колядовали «старухи», «бедные» и семейные. Возможно, постепенное «перемещение» обряда в возрастную группу детей связано с утратой им прежнего аграрного смысла и обретением статуса игры, забавы.

Святочные песни исполнялись обычно перед домом под его окнами либо в доме. Привлекая широкий славянский материал, ученые связывают два типа колядования («подоконное» и в доме) с содержанием песен: тогда как под окном исполнялись

песни обобщенного типа – адресованные всей семье, в доме опедали каждого члена семьи отдельно [Чичеров, 1957, с. 120-121]. Псковский материал дает примеры только обобщенного типа колядования, что в целом типично для русских колядок [Бернштам, Лапин, 1981, с. 28]. Обычай исполнения обходных песен под окнами известен многим славянским регионам и является деталью «архаической, раскрывающей сложные взаимоотношения хозяев дома и «пришельцев», которые воспринимались как «чужие», как сила, могущая не только одарить, но и причинить вред» [Виноградова, 1982, с. 30]. Вариант пения в доме на данной территории тоже встречается.

В течение вечера одну избу могли многократно посещать разные обрядовые группы: «Хаділи не адна́ пара, а мо́же, шту́ки дьве-три» (д. Рублево Остр. р-на), «Колядовали по 13 групп» (д. Ступаны Пыт. р-на). Хозяева ждали колядовщиков («А ёсли к каму́ не зайдёшь – обижа́лись» (д. Малиново Остр. р-на)) и заранее готовились к встрече («Вёчером у́же прила́живали: зярно́ собира́ли, всё собира́ли, кто что мог» (д. Сергино Остр. р-на)). Наряду с этим встречалось и иное отношение к колядующим: «Отец наш никогда́ никого́ не пускал. Всягда́ огонь гасил. <...> Шыта́л – грех» (д. Каменка Печ. р-на), что отчасти может объясняться особенностями их внешнего облика и поведения. Хотя ряжение и не было обязательным обрядовым символом колядования, множество записей содержат информацию о том, что колядовщики рядились («обделывались») в вывернутые мехом наружу тулупы, в одежду противоположного пола, наводили углем усы и брови. «Все ряженные, их не узнать. Они все в сажу перемазавши <...>. Пышные юбки, цветные платки хорошие, красивые, жалетки разрисованные, а в ково лохмотья какие-нибудь одеты» (д. Гораи Остр. р-на), «Ряділися. Кто как. Кто во́лком сде́лается, надёвши, хто мядвёдем» (д. Орлово Остр. р-на). Ряженные колядовщики шумели, пели, танцевали под гармонь, балалайку, разыгрывали сценки и требовали наделения.

В свете представлений о приходе в святочные дни на землю духов предков хозяева стремились радушно принять и щедро угостить участников обхода, в которых видели провозвестников будущего урожая и благополучия семьи: «Считалось, что чем больше дашь, тем счастливей» (зап. в 2000 г. в д. Шелино Пыт. р-на, инф. 1922 г.р.). Традиционно колядовщиков наделяли зерном, изделиями из теста (пирогам, хлебом, булками, пирожками, печеньем), мясом, конфетами, давали мелкие деньги, взрослым и молодежи наливали пиво или вино, а иногда и приглашали за стол. После обхода собранные продукты делили или устраивали общее застолье. В ряду подарков особое значение имели изделия из теста: по словам Л.Н. Виноградовой, «варианты «раздачи» обрядового хлеба в формах одаривания «божьих гостей», «непростых гостей» – колядников» – не что иное, как «способы передачи умершим родственникам (опекунам дома и хозяйства) ритуальной пищи, которую специально для них готовили» [Виноградова, 1982, с. 142].

Центральным событием обрядового обхода и его смысловым центром было исполнение святочной песни. Из двух ее форм (колядка и виноградье), в равной степени представленных на территории Псково-Печорского Обозерья и Великоречья, в рамках данной статьи рассмотрим колядку.

Структура колядки детально описана в трудах В. И. Чичерова [Чичеров, 1957], А. Н. Розова [Розов, 1978], Т. А. Бернштам и В. А. Лапина [Бернштам, Лапин, 1981],

Л. Н. Виноградовой [Виноградова, 1982]. В соответствии с традиционной устойчивой схемой общеславянского типа, колядку открывает ритуальная часть, повествующая о действиях и намерениях колядующих, продолжает величание, переходящее в требование подарка, и завершает зачинательная часть, включающая в себя благопожелания или «аграрную» угрозу. На исследуемой территории эти элементы структуры колядки разработаны в разной степени.

Развернутый вариант текста начинается с обращения к хозяевам с вопросом, можно ли пропеть коляду – и после получения положительного ответа начинается пение. Зачин колядного сюжета (ритуальная часть) могут открывать как слова «Пришла Коляда накануне Рождества» (часто информанты помнят только их), так и выкрик «Коляда! Коляда!». Последний вариант преобладает в Печорском районе. Он соотносится с указанием местных жителей на способ исполнения песни: «коляду кликают», что, по мнению К. В. Квитки, отражает древние представления о способах воздействия на силы природы [Квитка, 1971]. Выкрик «Коляда! Коляда!» далее в тексте либо переходит в призыв «открывать ворота», который является очень популярной частью вступительных формул восточнославянского материала [Виноградова, 1982, с. 115], либо становится припевом, повторяющимся после каждой новой строки (последнее отмечено в Псковском р-не).

В Островском, Палкинском, Пыталовском р-нах вступительными словами, отражающими реальный ход колядования, зачин ограничивается. Если же он получает развитие, в песне сообщается, что колядовщики искали двор хозяина, перед домом которого остановились:

Коляда, Коляда!
Пришла Коляда накануне Рождества.
Мы сочили Коляду, мы искали Коляду.
Ох, нашли мы Коляду во Петровом дворе.
Колядовщички, мы петровщички.

(зап. в 1980 г. в д. Бобково Печ. р-на, инф. 1910 г.р.)

«У Петрова двора» нашли Коляду в записях колядок 1992 г. в дд. Гора Каменка и Ланёва Гора Пск. р-на, в записи 1980 г. в д. Лебеды Печ. р-на, «в Мару́ськином двару́» – в колядке, записанной в 1991 г. в исполнении хора деревни Кулье Печ. р-на, «во Прасковьем дворе» – в колядке, записанной в 1988 г. в д. Медли Печ. р-на (инф. 1903 г.р.). В приведенных примерах обращает на себя внимание, что при каждом новом исполнении текста колядующими происходит его индивидуализация, что проявляется в именовании хозяина, перед домом которого песня звучит. Данную особенность, отмеченную нами только в записях из Печорского и Псковского р-нов, подтверждают материалы фольклорных экспедиций Ленинградской консерватории [Песни..., 1989, с. 27].

Примечательно отсутствие в составе записанных на данной территории колядок благопожеланий. Мы обнаружили единственный такой случай: в тексте присутствует универсальный для большинства песенных благопожелательных формул детализированный мотив «приплод скота» как символ изобилия в хозяйстве (не типичный в составе русского колядного репертуара и встречающийся лишь в песнях из областей, близких к Белоруссии [Виноградова, 1982, с. 92]):

Подай тебе Бог <...>

Полон двор животов, в конюшню конёв,
В избушку ребят, а под печку телят.

(зап. в 1996 г. в д. Подосье Пск. р-на, инф. 1928 г.р.)

Вариант колядок без благопожеланий известен фольклористам. В.И. Чичеров отмечал, что в этом случае композиция колядки имеет типичную редакцию: а) приход коляды и поиски ее колядующими, б) величание, в) просьба о подаении. По мысли ученого, в отсутствии в тексте колядки прямого пожелания благополучия в доме его заменяет изображение дома и его обитателей в величальной части, как бы утверждающее наличие богатства, обилия, довольства [Чичеров, 1957, с. 126].

Однако наши примеры не содержат также и восхваления двора, дома и его обитателей, если не считать единичных упоминаний «терема», «железного тына» и одного упоминания о том, что после вводной части «хазяйку расхв́аливают, хазяина расхваливают, дётюк ихних расхв́аливали» (зап. в 1995 г. в д. Городище Палк. р-на, инф. 1932 г.р.). Выпадение из состава текста величальной части приводит к утрате песней исходной семантики – заклинания благополучия семьи на весь предстоящий календарный период (ср. определение колядки как величальной песни, «целью которой является создание для хозяина той идеальной обстановки, о которой поется в песне» [Потебня, 1887, с. 58]). Одновременно с утратой заклинательного и благопожелательного элемента, составляющего основную сущность обряда колядования, своего значения лишается и требование подаения, активно представленное в псковских колядках, поскольку, как справедливо отмечал В.И. Чичеров, «колядка-величание и колядка-просьба связаны между собой единой целью новогоднего обрядового действия и соответствуют его основным моментам: заклятию благополучия и приобщению к нему заклинающих» [Чичеров, 1957, с. 125-126].

Просьба одарить – один из существенных элементов обряда в русской народной традиции – нашла свое отражение в заключительных формулах псковских колядок. Несмотря на то, что формы требований об одаривании варьировались, вариантов не слишком много. Базовой формулой можно считать следующую:

Наделите Коляду с пёчки пирого́м
Или с засе́ка ришато́м или с карма́на питако́м.

(зап. в 2007 г. в д. Черепягино Остр. р-на, инф. 1925 г.р.)

Другие примеры:

Хошь денег руб, хошь чашку круп,
Хошь пива корец, хошь пару яец.

(зап. в 1995 г. в д. Лаврово Остр. р-на, инф. 1924 г.р.)

Не сиди́ в переду́, не чеши́ боро́ду,
Открыва́й сундучо́к, достава́й пятачо́к!

(зап. в 1999 г. в д. Линово Пыт. р-на, инф. 1987 г.р.)

Требования съестного, как правило, соединялись со стандартной угрозой – «отзвуком того, что колядующие приходят не скромными просителями-нищими, а коллективом людей, совершающих магический обряд» [Чичеров, 1957, с. 126]: «Не дашь пирога – мы корову за рога» (вариант: «подопрем ворота́»). В д. Ритупе Пыталовского р-на она имеет продолжение: «Овцу за ногу, свинью за ухо, / Пойдем на двор, всех кур перебьем» (зап. 1999 г., инф. 1944 г.р.), в д. Медли Печорского р-на –

«Как не дали кишки, так насрем в горшки» (зап. 1988 г., инф. 1903 г.р.). В д. Загорье Печорского р-на угрожали: «Горшки разобьем, золу по полу разметем» (зап. 1991 г., инф. 1897 г.р.). Угроза причинить вред хозяйству находит обоснование в обрядовом бесчинстве, известном всем славянам: в случае неполучения подаяния или малого его количества колядовщики «чудили»: подпирали дверь, закладывали трубу, «разрывали» поленицу дров и т.д., предопределяя этими действиями несчастья для семьи в предстоящем году.

В целом наблюдения над текстами колядных песен Псково-Печорского Обозерья и Великоречья заставляют согласиться с утверждением местного краеведа Э.Я. Заленского, который в 1912 г. писал о псковской колядке: «Песня коляды повсеместно однообразна» [Заленский, 1912, с. 181]. Наш материал показывает, что в большинстве случаев она состоит из начальной формулы «Пришла Коляда...» либо выкрика «Коляда! Коляда!», требования подарка и угроз в случае его неполучения.

Т. А. Бернштам и В. А. Лапиным была отмечена такая особенность колядных песен, как их способность существовать не только самостоятельно, но и прикрепляться «к «соседним» песням данного обходного обряда – виноградью, таусеню, религиозным гимнам», причем в последнем случае «сохранялись обрядовые действия, имевшие древний магический смысл при колядовании» [Бернштам, Лапин, 1981, с. 12]. Фольклорный архив ПсковГУ содержит более 30 текстов тропарей и кондаков с «колядной» концовкой, записанных на данной территории.

Ражаствó тваё, Хрiсти Бóже наш.

<...>

Хазя́юшка с хазя́ином,
Схадíте в сунду́чок,
Принясíте пятачо́к
Или зярёнка карячо́к.

(зап. в 1995 г. в д. Загорье Палк. р-на, инф. 1914 г.р.)

Христóс раждáется, сла́вите,

<...>

Аткрывáйти сунду́чки, вынимáйти пятачки!
Нам на пря́нички, на орéшки,
А дéтям на патéшки!

(зап. в 1991 г. в д. Кулье Печ. р-на, женский хор (1914–1927 г.р.))

Это уж после, когда Христа уже прославишь, и вот и пели:

Ты, хозяин, не томи,
Поскорее надели:
Или хлеба ломтину,
Или денег полтину,
Или с печи пирогом,
Или с клети решетом,
Или сена клок,
А то и вилы в бок.

(зап. в 1996 г. в д. Забродье Пск. р-на, инф. 1930 г.р.)

Примеры содержат характерные для колядок требование подарка и угрозы

скупым хозяевам. Подобные же рождественские песнопения записаны в дд. Дворянкино, Зубовщина, Усох Палкинского р-на, в дд. Гавры, Коровск Пыталовского р-на, в дд. Выслово, Вязки, Гверздонь, Ровница, Юхново Псковского р-на, дд. Заходы, Митковицы Печорского р-на.

«Колядные» финалы тропарей, записанных в д. Решеты Островского р-на, д. Выстрелово Палкинского р-на содержат однотипную заклинательную часть, – редкую, как мы видели, в составе колядок:

Дай Бог таму́, кто в э́том дому́,
Рожь густу́ю, рожь ужину́сту.

(зап. в 1995 г. в д. Качаново Палк. р-на, инф. 1932 г.р.).

Разнородность частей текста хорошо осознавалась исполнителями: как правило, пелась только первая часть («божественная песня»), тогда как вторая не имела мелодического оформления и проговаривалась ими, после чего происходило наделение.

Итак, анализ материалов фольклорного архива ПсковГУ показывает, что колядные песни, исполнение которых на территории Псково-Печорского Обозерья и Великоречья являлось смысловым центром рождественско-новогоднего обрядового обхода домов, – это обычно короткие тексты, открывающиеся ритуальным зачином и продолжающиеся просьбой-требованием и угрозой в основной части. Отсутствие в них величания и заклинания – свидетельство разрушения обходного обряда и превращения его во второй половине XX века в игру, забаву. Записанные на этой территории виноградья несколько более интересны с точки зрения разработки поэтического сюжета, однако это предмет уже другого исследования.

Литература

- Бернштам Т. А., Лапин В. А. (1981). Виноградье – песня и обряд. *Русский Север: проблемы этнографии и фольклора*: [сборник]. Ленинград, Наука, 3–109.
- Виноградова Л. Н. (1982). *Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования*. Москва, Наука, 256.
- Заленский Э. Я. (1912). *Что поет современная деревня Псковского уезда*. Псков, 184.
- Квитка К. В. (1971). Песни украинских зимних обрядовых празднеств. *Квитка К. В. Избранные труды. Т. 1*. Москва, Советский композитор, 103–155.
- Народная традиционная культура Псковской области : обзор экспедиционных материалов : [в 2 томах]* (2002). Санкт-Петербург ; Псков : Изд-во Псковского обл. центра нар. творчества, Псков: Издательство Областного центра народного творчества, 686.
- Мехнецов А. (сост.). (1989). *Песни Псковской земли*. Вып. 1. Календарь.-обрядовые песни: (По материалам фольклор. экспедиций Ленингр. консерватории). Ленинград, Советский композитор, 295.
- Потебня А. А. (1887). *Объяснения малорусских и сродных народных песен*. Т. 2: Колядки и щедровки. Варшава, Тип. М. Земкевича, 810.
- Розов А. В. (1978). *Песни русских зимних календарных праздников: Проблемы классификации колядок: Автореферат дисс. ... канд. филол. н.* Ленинград, 15.
- Чичеров В. И. (1957). *Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков (Очерки по истории народных верований)*. Москва, Изд-во АН СССР, 236.
- Юрчук Л. А. (2023). Обходы «со звездой» в контексте святочной обрядности Псково-Печорского Обозерья и Великоречья. *Ученые записки Новгородского государственного университета*, 4(49), 382–386. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).382-386

References

- Bernshtam T. A., Lapin V. A. (1981). Vinograd'e – pesnja i obrjad [Vinogradye - song and ritual]. *Russkij Sever: problemy jetnografii i fol'klora: sbornik* [Russian North: problems of ethnography and folklore: collection]. Leningrad, 3–109.
- Chicherov V. I. (1957). *Zimnij period russkogo zemledel'cheskogo kalendarya XVI–XIX vekov (Ocherki po istorii narodnykh verovanij)* [Winter period of the Russian agricultural calendar of the 16th–19th centuries (Essays on the history of folk beliefs)]. Moscow, USSR Academy of Sciences, 236.
- Kvitka K. V. (1971). Pesni ukrainskih zimnih obrjadovykh prazdnestv [Songs of Ukrainian winter ritual festivals]. Kvitka K. V. *Izbrannye Trudy* [Kvitka K.V. Selected works]. Vol. 1. Moscow, Sovetskiy kompositor, 103–155.
- Narodnaya traditsionnaya kul'tura Pskovskoy oblasti: Obzor ekspeditsionnykh materialov iz nauchnykh fondov Fol'klorno-etnograficheskogo tsentra* [Folk traditional culture of the Pskov region: Review of materials Review of expedition materials from the scientific funds of the Folklore and Ethnographic Center] (2002). Vol. 1. Pskov, Izdatel'stvo Oblastnogo tsentra narodnogo tvorchestva.
- Mekhnetsov A. (comp.). (1989). *Pesni Pskovskoy zemli* [Songs of the Pskov region]. Vol. 1: Kalendar-obryadovye pesni: (Po materialam fol'klor. ekspeditsiy Leningr. konservatorii) [Calendar-ritual songs: (Based on materials from folklore expeditions of the Leningrad Conservatory)]. Leningrad, Sovetskiy kompositor, 295.
- Potebnaya A. A. (1887). *Objasnenija malorusskikh i srodnykh narodnykh pesen* [Explanations of Little Russian and related folk songs]. Vol. 2: Koljadki i shhedrovki [Koliadkas and schedrovki]. Varshava, M. Zemkevich Publishing House, 810.
- Rozov A. V. (1978). *Pesni russkikh zimnih kalendarnykh prazdnikov: Problemy klassifikacii koljadok* [Songs of Russian winter calendar holidays: Problems of classifying carols]: PhD in Philol. thesis, abstract. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 15.
- Vinogradova L. N. (1982). *Zimnyaya kalendarnaya poeziya zapadnykh i vostochnykh slavyan. Genezis i tipologiya kolyadovaniya* [Winter calendar poetry of Western and Eastern Slavs. Genesis and typology of caroling]. Moscow, Nauka, 256.
- Yurchuk L. A. (2023). Obhody «so zvezdoj» v kontekste svjatochnoj obrjadnosti Pskovo-Pechorskogo Obozer'ja i Velikorech'ja [Christmas star in the context of Christmas rituals (Pskov-caves region and Velikaya river basin area)]. *Memoirs of NovSU*, 4(49), 382–386. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.4(49).382-386
- Zalensky E. Ya. (1912). *Chto poet sovremennaja derevnja Pskovskogo uezda* [What does a modern village in Pskov district sing?]. Pskov, 184.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 01.02.2023.
Принята к публикации 05.11.2023.

Об авторе

Юрчук Любовь Алексеевна, доктор филологических наук, доцент, профессор факультета русской филологии и иностранных языков ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет»; ORCID: 0000-0002-3749-1478; lk2185@rambler.ru

Yurchuk L. A.

KOLIADKAS IN CHRISTMAS RITUALS (PSKOV-PECHORA OBOZERYE AND VELIKORECHYE REGIONS)

Abstract. The article, based on an analysis of materials from the folklore archive of Pskov State University, recorded on the territory of the Pskov-Pechora Obozerye and Velikorechye regions during folklore expeditions of the 1970s–2010s, presents the place of koliadkas in the Christmas and New Year home-to-home walk complex and identifies stable elements of their structures. The practice of “under the window” performance of koliadkas of a general type (addressed to the whole family) in the period from Christmas Eve to Epiphany by mixed gender and age groups of singers, often mummers, has been noted. An analysis of the structure of koliadkas showed an almost universal absence of a benevolent and majestic part in their composition, which indicates a transformation of the genre, as it leads to the loss of the song’s original semantics, that is a spell for the well-being of the family for the coming year. Koliadkas of the Pskov-Pechora Obozerye and Velikorechye regions are usually short texts that open with a ritual beginning and continue with a request, demand and threat in the main part.

Keywords: koliadkas, Christmas ritual complex, ritual, folklore, ritual home-to-home walk

For citation: Yurchuk L. A. Koliadkas in Christmas rituals (Pskov-Pechora Obozerye and Velikorechye regions). *Memoirs of NovSU*, 2023, 6(51), 685-693. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).685-693